

*Ноздрунов А.В.,
преподаватель кафедры философии и культурологии,
ФГБОУ ВПО Орловский Государственный Университет*

НОРМЫ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВА РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматривается феномен нормы как атомарной единицы регуляторов поведения индивида. Выделяются ее основные механизмы и функции. Также проводится анализ «контрнорм» как ситуаций, в которых индивид сознательно нарушает заведомо установленные социальные нормативы.

Полноценные системы регуляторов поведения индивида или социальной группы представляют собой сложные и многокомплектные структуры, функционирующие по своим специфическим законам и имеющие свою уникальную механику. Однако атомарными элементами таких систем будут являться нормы, выступая, по сути, как «важнейшие средства социальной регуляции поведения» [1; 3]. По этой причине дальнейший анализ регулятивных систем невозможен без анализа данного явления.

Сам феномен «нормы» весьма сложен и многообразен. В зависимости от позиции автора существует большое количество её всевозможных определений, отличающихся различной степенью абстракции, а также ставящих акценты на разнообразные особенности нормы. В контексте нашего исследования наиболее приемлемым будет выступать представление нормы как «понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение сохраняют свои качества и функции, задающие их общую соразмерность (упорядоченность)» [2; 711].

Наиболее значимыми для формирования и регулирования поведения, безусловно, выступают социальные нормы, которые получили научную разработку в данном контексте. Но относительно полноценных регулятивных систем, дело ограничивается не только ими, т.к. сами системы регуляции в той или иной степени включают в себя практически все виды нормирования (что наиболее наглядно видно на примере технических норм). С некоторой корректировкой, общие особенности «нормы» можно экстраполировать на большинство ее видов.

В зависимости от непосредственной сферы и области деятельности в общественной жизни выделяется практически бесконечное количество конкретных норм, а также их всевозможных вариаций. Данная тенденция особенно четко видна на примере социальных норм, которые включают в себя: религиозные нормы, правовые нормы, идеологические нормы, культурные нормы, политические нормы, государственные нормы, этические нормы и т.д.

Тем не менее, на данном этапе исследования необходимо проводить анализ абстрактной нормы как феномена продукта культуры.

В первую очередь, такой анализ должен затрагивать функциональную компоненту. В качестве базового положения рассуждений мы будем использовать предположение о том, что каждая существующая норма несет в себе какое-либо функциональное значение: «Все социальные нормы функциональны: они осуществляют в обществе определенные, необходимые обществу или группе функции. Как показали социологические и культурно-антропологические исследования, даже самые, казалось бы, необычные, нецелесообразные, малоэффективные, на первый взгляд, нормы обусловлены реальными отношениями, взаимодействиями, ситуациями, представлениями, намерениями членов той или иной общности и соответственно наделены и определенными функциями» [1; 61]. Одна и та же норма может включать в себя как одну, так и несколько разнообразных функций. Кроме того, в процессе своего существования функции нормы могут трансформироваться или видоизменяться. На наш взгляд, важным является то, что при трансформации или видоизменении своей функциональной компоненты внешний вид нормы поведения должен оставаться статичным, т.к. в противном случае осуществляется замещение старой нормы на более новую форму. Соответственно, в случае потери нормой абсолютно всех своих функций она прекращает свое существование.

Из множества разнообразных функций мы кратко обозначим некоторые наиболее значительных из них. К ним относятся: контролирующая функция, эталонная функция, мотивационная функция, ценностно-образующая функция, фиксирующая функция и игровая функция.

В большей мере норма функционирует как некоторый специфический способ контроля поведения индивида. При этом он может осуществляться как интересубъективно, так и экстрасубъективно, что будет разобрано позднее. Так, например, «Превентивные или предвосхищающие аспекты социального контроля в определенном смысле уже содержатся в тех процессах, которые обучают актора не включаться в девиантные действия» [5; 417].

Не менее важна эталонная функция нормы, при которой она выступает как идеальная модель должного поведения в той или иной ситуации. Специфика этой функции в том, что она биполярно оказывает влияние на формирование мировоззрения человека.

На основании контролирующей и эталонной функциях нормы можно выделить еще две, не менее важные особенности регуляции поведения, а именно – мотивационную и ценностно-формирующую функции. За счет первой функции норма становится одним из сильнейших детерминантов поступка, создавая для него мотивацию. Вторая функция способствует построению иерархии приоритетов поведенческих моделей, касаемых той или иной ситуации.

Кроме того, за счет существования и регулярной трансляции некоторых норм в социуме происходит фиксация культурного и законодательного кода. Такую функцию можно условно обозначить как «фиксирующую». Ее частным

случае будет выступать «ролевая» функция нормы, при которой норма четко фиксирует социальное поведение индивида в обществе. Как пишет об этом Р. Дарендорф: «Для любой позиции, какую может занимать человек, будь то родовая или возрастная, семейная или профессиональная, национальная или классовая, у общества есть атрибуты и способы поведения, с которыми соизмеряет себя тот, кто их занимает, и по отношению к которым он должен определиться» [3; 191].

В редуцированном виде норма способна выполнять «игровую» функцию, при которой она теряет свою изначальную смысловую нагрузку и, как следствие, перестает быть понятной для социума, но ее номинальная роль продолжает сохраняться. Наиболее часто эту функцию нормы можно встретить в традиционной регулятивной системе.

Вторым важным для функционирования любой нормы фактором выступает ответственность индивида за нарушение существующего нормативного порядка. Ответственность проявляется в санкциях. Стоит отметить, что в некоторых случаях санкции включают в себя поощрительный элемент, но, соглашаясь с Р. Дарендорфом, мы будем рассматривать их в негативном значении: «Понятие санкции зачастую используется исключительно для обозначения наказаний и выговоров; однако здесь его следует понимать в более широком смысле ... общество может награждать орденами ... одних своих членов наделять престижем .... Тем не менее по многим причинам в современной ситуации кажется разумным говорить, в первую очередь, о негативных санкциях» [3; 201].

Тема санкций весьма детально разработана в литературе. При этом санкции могут иметь самый разнообразный характер, в том числе и номинальный, зависящий и от функций самой нормы. Что важно, санкция способна оказывать влияние как на нарушающего норму индивида или объект санкции, так и на субъект санкции, то есть индивида или коллектив, допускающий нарушаемые нормы. В случае полной потери своего санкционного компонента, норма также перестает существовать. Справедливо и обратное утверждение: с увеличением или уменьшением (вплоть до символической) значимости нормы изменяется действие ее санкции.

Соотношение нормативных функций и их санкций с эмпирическим опытом позволяет нам принимать существования феномена нормы в социуме как факт. Открытым остается вопрос о получении информации о наличии, функционировании и, следовательно, применении требований определенной нормы к коллективу. Наиболее детально данная проблема разрабатывалась в модальности социологии и социопсихологии. По этой причине мы будем использовать методологию преимущественно данных дисциплин. Наиболее общую классификацию методов мы находим у М.И. Бобневой: «Социологическое исследование может иметь дело с тремя формами проявления норм и их действиями или тремя видами источников информации о нормах: 1) вербальными отчетами-данными, получаемыми с помощью опросов различных групп и выборок лиц; 2) наблюдаемым, «открытым» поведением и 3) формализованными, экстерииоризированными отображениями социальных норм

(например, отображением их в документах и т.д.) [1; 161]. Другими словами: «Информация может быть «почерпнута» либо из «сознания» «носителей норм» (путем применения социологических методов: анкетирования, опроса, интервью, беседы, экспертных оценок и др.), либо из анализа открытого, демонстрируемого им поведения путем применения специальных методов анализа, в частности с помощью системы критериев оценки поведения, выработанных на основании эмпирических референтов нормативного поведения – системы показателей, по которым оценивается и учитывается нормативный характер поведения» [1; 162]. Кроме того, в некоторых случаях теоретически можно экстраполировать установленные нормы поведения одной социальной группы на другие, что например, предполагалось структуралистами. Разумеется, каждый из данных способов получения информации о нормах не может быть абсолютно самодостаточным, т.к. имеет ряд специфических недостатков, неоднократно проанализированных критиками.

В процессе анализа феномена «нормы поведения» нельзя упускать из виду момент их осознанного нарушения или пренебрежения. В отдельно взятых случаях такой тип поведения однозначно трактуется как девиация и, следовательно, детерминирует собой ряд специфических санкций. Однако в ряде случаев можно констатировать факт нарушения механизмов оценки и контроля, при которых на первый взгляд девиантные нарушения нормативов поведения перестают оцениваться социальной группой негативно, то есть воспринимаются как новые нормы или «контрнормы». По мнению Т. Парсонса, одним из вариантов трактовки «девиантности» является понимание ее как тенденции «со стороны одного или более составляющих систему акторов вести себя таким образом, который нарушает равновесие процесса взаимодействия (его статическое или динамическое равновесие)» [5; 361]. В качестве примера можно рассмотреть одну из самых очевидных групп «контрнормы» поведения, связанной с одобрением нарушения закона, широко исследованные Р. Мертоном: «Вся история крупных американских состояний пропитана тяготением к институционально сомнительным инновациям, свидетельствам чему служит восхищение «баронами-разбойниками» XIX века. Невольное восхищение этими «практичными, ловкими и преуспевающими людьми», часто выражаемое в частной обстановке, а нередко и публичной, - продукт культурной структуры, в которой священная и неприкосновенная цель фактически освящает средства» [4; 257].

Наиболее тесно феномен «контрнормы» перекликается с феноменом аномии, однако, по причине поливариантной трактовки данной дефиниции, а также ее тесной интеграции со специфическим состоянием общества или индивида, мы сознательно дистанцируемся от нее.

Во-первых, «контрнормы» существуют в качестве стимула к изменению нормативных установок. Как уже было отмечено, норма способна изменяться только в пределах своего функционального значения. Вне этих границ норма статична. Внезапно возникающие «контрнормы» поведения, за счет своей «мобильности», провоцируют социум к продуцированию новых нормативов

(зачастую строящихся на фундаменте уже существующих) или, как альтернатива, сами начинают их замещать.

Фактически, являясь реакцией на какие-либо социокультурные изменения, за короткий момент времени может создаваться большое количество самых разнообразных образцов «контрнормирования», противоречащих друг другу или косвенно касающихся других нормативов. Такие условия детерминируют жесткий социальный отбор между изначальной нормой поведения и «контрнормами», которые, в конечном итоге, могут бесследно исчезнуть, этот отбор не пройдя.

Во-вторых, существование «контрнормы» в обществе допускается в качестве компромисса между различными, стабильно существующими нормативными комплексами, а также между противоречиями в разных социальных структурах. Во всех случаях они выступают как способы приспособления индивида к такой социальной структуре. Один из самых наглядных примеров рассматривается Р. Мертоном, на примере индивидуальных моделей приспособления в конфликте между культурными и социальными структурами [см. 4; 245-281]. На стыке одного конфликта также может возникать несколько различных типов «контрнормального» поведения, в том числе и весьма радикальных для одной из сторон противоречия.

В-третьих, возникновение «контрнорм» поведения может происходить и внутри одной нормативной конструкции, что связывается с психологической сублимацией: невозможностью удовлетворения индивидом своих потребностей в рамках функционирующих норм. При этом основное отличие «контрнормы» от индивидуальной психической девиации можно провести на основании экстраполяции такой модели поведения на большую часть социальной группы, сформированной по определенным признакам, например: представителей среднего класса определенного государства, сотрудников фирмы низшего звена определенной фирмы и т.д. (степень абстрактности группы может быть весьма значительной). Одним из самых ярких проявлений защитной функции «контрнормы» поведения в российском обществе является допущение нецензурных выражений в процессе стабильной тяжелой физической работы.

Важно понимать, что само наличие «контрнорм» поведения (даже их весьма радикальных форм) не является прямым свидетельством упадка или разложения социальной группы. Фактически, их наличие обеспечивает стабильное существование социальной структуры, детерминируя ее развитие в нормативном аспекте; корректируют индивидуальное поведение в условиях противоречия между различными нормативными комплексами; а также обеспечивают некоторую психологическую «разрядку» в рамках одного нормативного комплекса. Как считает Т. Парсонс: «В реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия и полной интеграции. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и ни настолько стабильны, что их невозможно устранить из мотивационной системы акторов. В данном случае механизмы социального контроля имеют в виду не элиминацию этих факторов, а ограничение последствий их действия и предотвращение распространения этих последствий за пределы отведенных им

рамок» [5; 417]. Однако даже распространение «контрнорм» за отведенные им рамки также не будет являться чем-то сверхординарным. Большинство внезапно сформированных «контрнорм» также быстро исчезают: либо, являясь нежизнеспособными для данной социальной группы, либо выработав свой потенциал. Из них всего лишь немногие начинают замещать собой функцию стабильно действующих норм поведения. На наш взгляд, кризисная ситуация для социальной структуры наступает тогда, когда в течение длительного промежутка времени количество «контрнорм», выполняющих одну и ту же функцию, продуцируется значительно быстрее, чем они исчезают, то есть происходит «перенасыщение» социума.

Таким образом, норма, задавая модель поведения индивида, включает в себя ряд специфических функций, таких как: дискреция допускаемых моделей поведения, а также контроль над поведением. В качестве основного механизма контроля норма допускает ряд санкций, применяемых к человеку в случае нарушения установленного порядка. Тем не менее, ряд социальных ситуаций допускает или, по крайней мере, в них не осуждается некоторое проявление девиации в поведении. В том случае, когда такое поведение становится присуще большинству представителей определенной социальной группы, оно получает характер «контрнормирования».

Список используемой литературы.

1. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. Изд. «Наука», Москва, 1978. – 312 с.
2. *Всемирная энциклопедия: философия.* М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. Дарендорф Р. Homo Sociologus: Опыт об истории, значении и критике категории социальной роли. / Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002 – 536 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах/ Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.